

Эрнест сразу же набрал среди самых доверенных единомышленников команду из восьми человек. Операция получила название «Одинокий» в честь одного из любимых котов Эрнеста. Своим заместителем он назначил Уинстона Геста, миллионера и спортсмена, гостившего одно время на его финке. В качестве пулеметчика полковник Томасон выделил ему Дона Саксона, сержанта-морпеха из американского посольства, который мог разобрать и снова собрать пулемет в темноте за считанные секунды. Все остальные были кубинцы или испанцы: Хуан Дунабейтия, высокий худой баск, за познания в морском деле получивший прозвище Синдбад-мореход, или Синмор; Патчи, один из братьев джай-алаистов Ибарлусиа — он часто бывал на финке и обыгрывал Хемингуэя в теннис; уроженец Канарских островов Грегорио Фуэнтес, старший помощник и кок на «Пилар»; каталонец Фернандо Меса, бывший барселонский официант; кубинец Роберто Эррера — его брат Луис был у республиканцев военным врачом — и некто Лукас, о котором ничего не известно.

Карлос Бейкер.

История жизни Эрнеста Хемингуэя

 И НАКОНЕЦ сделал это. 2 июля 1961 года, в Айдахо, в своем новом доме — мало что, думаю, значившем для него, но с видом на горы, на речную долину и на кладбище, где лежали его друзья.

Я узнал об этом на Кубе, где познакомился с ним и где по иронии не бывал уже девятнадцать лет. Еще больше иронии заключалось в том, что 2 июля 1961 года мне исполнилось сорок девять. День рождения я провел, следуя за сальным человечком по засаленным барам, а потом всю ночь ехал за ним же триста пятьдесят километров до Санта-Клары, где в начале дороги на Ремедиос стоит бронепоезд. Закончив свои дела с ним, я пробыл еще сутки в тростниковых полях и пальмовых рощах и радио, понятно, не слушал. В отеле «Перла», в Санта-Кларе, куда я заехал выпить, по радио звучала грустная, чуть ли не похоронная музыка, но я не обратил на это внимания. О смерти Хемингуэя я узнал только в Гаване, заселившись в отель, рядом с которым раньше было посольство США, пока Фидель в январе этого года не выгнал американцев.

— Вы слышали, сеньор? — спросил семидесятилетний носильщик, забирая мой багаж с тротуара.

— О чем? — Старик знал меня как колумбийского бизнесмена — если это что-то личное, то новость плохая.

— Писатель умер. — Его худые щеки тряслись под серой щетиной.

— Какой писатель? — Я взглянул на часы. Мой самолет вылетал в восемь вечера.

— Сеньор Папа.

Я застыл, ничего не видя на циферблате.

— Хемингуэй?

— Да. — Старик кивал еще долго, подтверждая этот единственный слог.

— Как он умер?

— Выстрелил себе в голову.

Да, конечно. Как же иначе.

— Когда?

— Два дня назад. — Тяжелый вздох старика отдавал ромом. — В Штатах, — добавил он, как будто этим всё объяснялось.

— *Sic transit hijo de puta**, — пробормотал я. «Прощай, сукин сын» — так это можно перевести.

Голова старика мотнулась назад, как от пощечины, в кротких слезящихся глазах вспыхнул гнев, граничащий с ненавистью. Мои чемоданы в фойе он поставил так, будто к драке готовился. Как видно, он близко знал «Папу».

— Все в порядке. — Я выставил руку ладонью вперед. — Он сам так сказал, когда началась революция и Батисту выгнали с Кубы.

Старик кивнул, но все еще был сердит. Я дал ему два песо и вышел.

Первым моим побуждением было найти машину, оставленную мной в старом городе, и поехать на финку**. До нее всего-то двенадцать миль. Но нет, это была плохая идея. Надо садиться на самолет и убираться из

---

* *Sic transit* — начало известного латинского афоризма «*Sic transit gloria mundi*» — «так проходит слава мирская».

** Финка — загородный дом, дача или ферма.

этой страны как можно скорее, а не изображать из себя туриста. Притом ферма сейчас конфискована революционным правительством и ее охраняют солдаты.

Что там охранять, спрашивается? Тысячи его книг, которые он не сумел увезти? Его многочисленных котов? Ружья и охотничьи трофеи? Лодку? Где теперь «Пилар», кстати? Так и стоит в Кохимаре или тоже революции служит?

Я знал только, что финка Вихия весь этот год закрыта и ее сторожит батальон бывших сирот и нищих. В Гаване говорили, что этот называемый милицией сброд в дом не пускают и они ночуют в палатках у теннисных кортов, но их команданте живет в том же гостевом домике, где жил я, когда мы запустили Хитрую Контору, и спит в той же комнате. А на пленке за подкладкой моего чемодана видно, что Фидель развернул там рядом на холме, в патио бывшего дома Стейнхартов, противовоздушную оборону для защиты Гаваны. Там у них шестнадцать 100-миллиметровых советских зениток, восемьдесят семь кубинских зенитчиков и шесть русских инструкторов.

Нет, на Вихию в этот жаркий вечер я не поеду.

Я прошел по Обиспо одиннадцать кварталов до «Флоридиты». Улицы и теперь, через полтора года после революции, выглядели пустыми по сравнению с тем, что я застал здесь в начале сороковых. Четыре пьяных советских офицера горланили песню, выйдя из бара. Кубинцы, парни в белых рубашках и девушки в коротких юбках, отводили глаза, как будто русские прилюдно мочились. К ним даже проститутки не приставали.

«Флоридита», тоже отошедшая государству, в этот будний вечер была открыта. Я слышал, что в пятидесятых здесь стояли кондиционеры, но либо мой информатор ошибся, либо кондиционирование после революции стало слишком дорого обходиться. Сейчас в баре просто распахнули все окна, как в те времена, когда мы с Хемингуэем здесь выпивали.

Заходить я, конечно, не стал. Надвинул шляпу пониже и заглянул.

Любимый табурет Хемингуэя — крайний слева, у стенки, — пустовал. Оно и неудивительно: государство, теперешний владелец, запрещало его занимать. Святыня, черт побери. Над пустым табуретом торчал писательский бюст — его, я слышал, подарили Хемингуэю друзья-подхалимы, когда он получил нобелевку за дурацкую историю про этого рыбака. Бармен — не мой знакомый Константе Рибайлагуа, а помоложе, в очках — вытирал стойку перед хемингуэевским табуретом, будто ждал, что тот вот-вот вернется из *baño**.

Повернул назад к отелю по узкой улице О'Рейли, вытирая пот под шляпой и бормоча «о господи». Его тут, никак, превратили в коммунистического святого. Я и раньше наблюдал это после успешных революций в католических странах. Церкви закрывают, но святые, мать их, нужны, и социалистическое государство их поставляет: бюсты Маркса, гигантские фрески с Фиделем, плакаты с Че Геварой. Хемингуэй — святой покровитель Гаваны! Я перебежал через улицу перед колонной советских грузовиков.

— *La tenía cogida la baja*, — прошептал я, вспоминая полузабытый гаванский диалект. Этот город больше любого другого должен «знать свои слабые места», видеть то, что «скрывается в глубине».

Я улетел из Гаваны, думая больше о своем визите в замаскированный лагерь под Ремедиос, чем о подробностях смерти Хемингуэя. Но с годами эти подробности и эта одинокая смерть переросли у меня в навязчивую идею.

В первых сообщениях говорилось, что Хемингуэй чистил одно из своих ружей и оно выстрелило. Я сразу понял, что это вранье. Хемингуэй чистил свои дробо-

---

* Туалет (*исп.*).

вики и винтовки с самого детства, и такого никогда не случалось. Он, как вскоре подтвердили во всех новостях, сознательно вышиб себе мозги — но как? Наша с ним драка, одна-единственная, состоялась именно после его демонстрации, как покончить с собой. Он упер приклад «манлихера-256» в ковер своей гостиной на финке, поднес дуло ко рту.

— Стрелять надо в рот, Джо: небо — самое мягкое, что есть в голове, — сказал он и нажал на спуск большим пальцем ноги. Курок щелкнул, а он улыбнулся, будто ждал моего одобрения.

— Дурь собачья, — сказал я.

Он прислонил «манлихер» к уродскому цветастому креслу, покачался на босых пятках, хрустнул пальцами.

— Что ты сказал, Джо?

— Что это дурь собачья. И вообще, только *maricón* может совать себе дуло в рот.

Перевести *maricón* как «педик» или «гомик» было бы слишком мягко. Мы вышли к бассейну и принялись молотить друг друга голыми кулаками.

В Айдахо ему не понадобилось совать дуло в рот. Согласно показаниям его жены, он воспользовался двухстволкой «ричардсон» двенадцатого калибра, а первый его биограф написал, что это был «босс» того же двенадцатого калибра с медленным спуском, любимое ружье Хемингуэя для стрельбы по голубям. Я тоже думаю, что «босс». «Ричардсон» слишком изящен, чтобы череп из него разносить. Как-то на «Пилар» Хемингуэй долго смеялся, прочитав в «Нью-Йорк Таймс» двухнедельной давности про пистолеты генерала Джорджа Паттона с перламутровыми будто бы рукоятками. «Паттон небось взбесился. Он каждый раз поправляет этих идиотских писак. Не перламутр, а слоновая кость! Говорит, что перламутровые рукоятки могут быть только у сутенера, и я с ним согласен». «Ричардсон» с серебряными стволами тоже вряд ли годится для серьезной работы.

Однако по прошествии недель, месяцев и лет я понял, что ружье, из которого он застрелился, не столь важно, как другие детали.

За несколько месяцев перед смертью Хемингуэй был убежден, что ФБР прослушивает его телефоны, следит за ним, готовит совместно с налоговым управлением дело об уклонении от налогов, чтобы его разорить. Именно из-за этого его четвертая жена решила, что у него паранойя, и вместе с друзьями определила его в клинику Майо для электрошоковой терапии.

Электрошок лишил его памяти, сексуального аппетита и способности писать, но от паранойи не избавил. Вечером накануне самоубийства жена и друзья повезли Хемингуэя в ресторан «Кристиана» в Кетчуме. Он сел спиной к стене и с подозрением отнесся к двум мужчинам за соседним столом. Жена и один из друзей, Джордж Браун, спросили официантку Сюзи, кем они могут быть. «Это, наверно, коммивояжеры из Твин-Фолс», — сказала она.

«Нет, — сказал Хемингуэй, — это ФБР».

Еще один его друг, А. Е. Хотчнер, пишет о сходном инциденте в том же ресторане восьмью месяцами ранее, в ноябре 1960 года. Раньше Хемингуэй говорил ему, что ФБР прослушивает его телефон и начинило его дом и машину «жучками». В ресторане писатель, рассказывая жене и Хотчнеру что-то забавное из времен, когда Кетчум был центром золотой лихорадки, осекся на полуслове и заявил, что им надо уйти. Мэри спросила его, в чем дело, и он ответил: «Там в баре двое фэбээровцев».

Хотчнер спросил своего знакомого Чака Аткинсона, ужинавшего там же с женой, не знает ли он, кто эти двое. «Да, — сказал Аткинсон, коренной житель Кетчума, — это торговые представители, приезжают сюда раз в месяц уже пять лет. Не говорите только, что Эрнест встревожился из-за них».

Я теперь точно знаю, что эти люди действительно приезжали в Кетчум последние пять лет и ходили от дома к дому, предлагая энциклопедии. И что это были специальные агенты ФБР из офиса в Биллингсе. Как и двое других тем субботним вечером 1 июля 1961 года. За Хемингуэем в самом деле следили, прослушивали его телефон, поставили «жучки» в его доме (но не в машине). Чуть раньше, зимой и весной, другие агенты постоянно сопровождали частный самолет Хемингуэя в Рочестер, штат Миннесота, куда он летал на лечение. В первый раз, в ноябре 1960 года, через две недели после «параноидального бреда» Хемингуэя в ресторане, самолет ФБР совершил посадку несколько минут спустя после «пайпер-команча» с Хемингуэем и его врачом на борту, но слежку в Рочестере продолжили четверо агентов из местного офиса. Один «шевроле» без опознавательных знаков ехал впереди, другой позади машины с писателем и доктором Савиерсом.

Во время той ноябрьской поездки, согласно «не включенному в дело» рапорту (одному из многотысячного конфиденциального архива Эдгара Гувера, загадочно пропавшего после смерти директора ФБР в мае 1972 года), агенты проникли в больницу Сент-Мэри, куда Хемингуэя положили как Джорджа Савиерса, но в клинику Майо, куда его после перевели, их не пустили. Следующие рапорты, однако, показывают, что ФБР поддерживало контакт с доктором Говардом П. Роумом, возглавлявшим «психотерапевтическую программу» Хемингуэя. Из них же видно, что доктор Роум и агенты ФБР обсуждали целесообразность электрошока еще до того, как этот метод лечения предложили писателю или его жене.

Персональный архив Гувера — двадцать три картотечных шкафа — «пропал», как я уже говорил, после смерти директора в возрасте семидесяти семи лет 1 мая 1972 года. В то утро, сразу после сообщения о кончине

директора, генеральный прокурор Ричард Клейндинст, связавшись с президентом Никсоном, вызвал к себе заместителя Гувера Джона Мора и приказал ему опечатать директорский кабинет со всем содержимым. После полудня Мор отправил Клейндинсту следующий доклад:

«Личный кабинет мистера Гувера, согласно вашим указаниям, опечатан сегодня в 11:40, для чего пришлось сменить замок на двери. Всё содержимое, насколько мне известно, осталось в том же виде, как утром, когда мистер Гувер прибыл на службу. Единственный ключ от кабинета находится у меня».

Клейндинст незамедлительно доложил президенту Никсону, что «архив в безопасности» (подразумевая секретные материалы, о существовании которых догадывался весь Вашингтон).

Джон Мор умолчал, однако, о том, что никаких архивов Гувер у себя не держал. Все секретные материалы хранились в кабинете мисс Хелен Гэнди, пятьдесят четыре года служившей у него секретарем. Пока кабинет Гувера опечатывали, мисс Гэнди просмотрела архив, многое уничтожила, а оставшееся переложила в картонные коробки, спрятанные после в подвале дома Гувера на Тридцатой плейс.

Через полтора месяца архив перепрятали, и никто ни из ФБР, ни из правительственных структур так и не увидел его.

Но я забегаю вперед. Вернемся к утру 2 июля 1961 года, сорок девятой дате моего рождения и последним мгновениям Эрнеста Хемингуэя на этой планете. В последующие дни я поклялся сделать две вещи, пока живу. Первая — найти секретные материалы ФБР о контрразведывательной группе Хемингуэя на Кубе. Вторая — я уже тогда знал, что это обещание сдержать будет намного трудней, — написать эту книгу. Вопреки тысячам рапортов, написанных мной, книги я писать не умею.

Хемингуэй, полагаю, помог бы мне — его бы повеселило, что мне наконец пришлось использовать все штучки из репертуара писателя-беллетриста. «Литература — это попытка рассказать что-то так, чтобы было правдивее самой правды», — сказал он мне в ту ночь, когда мы ждали немецкую подлодку на берегу. «Правда есть правда, — возразил я, — а литература твоя — вранье, маскирующееся под правду».

Что ж, посмотрим.

2 июля 1961 года, Кетчум, Айдахо. Только Эрнест Хемингуэй знает правду о своих последних мгновениях, но результаты достаточно очевидны.

Его четвертая жена и друзья показывают, что Хемингуэй сделал несколько неуклюжих попыток самоубийства до и после второй серии сеансов электрошока в мае — июне. Однажды, возвращаясь в клинику Майо, он хотел нырнуть под работающий пропеллер самолета на аэродроме. В другой раз друг силой отобрал у него заряженный дробовик.

Мэри Хемингуэй заперла все ружья в подвале, но ключи тем не менее лежали в кухне на подоконнике, «потому что никто не вправе лишать человека его ответственности». Я много об этом думал. Мэри при поддержке друзей считала, что она вправе подвергнуть Хемингуэя лечению, практически уничтожившему его мозг и личность, но не вправе прятать ружья от человека на грани самоубийства.

В то воскресное утро, 2 июля 1961 года Хемингуэй, как обычно, встал рано. Утро было прекрасное, солнечное, безоблачное. Мэри — больше в доме никого не было — спала в другой комнате и не проснулась, когда ее муж спустился на цыпочках по застланной ковром лестнице, взял ключи с подоконника и достал из подвала, как я думаю, свой верный «босс» двенадцатого калибра. Снова поднялся наверх, вышел через гостиную в холл, зарядил ружье, упер приклад в плиточный